ЛБ43 407

ОБЛАСТНОЕ ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО

3 407

Ф. Ф. ШАМАХОВ
Доцент Томского педагогического института

К. Д. УШИНСКИЙ О ВОСПИТАНИИ

ТОМСК — 1946

ОБЛАСТНОЕ ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО

Ч3 407

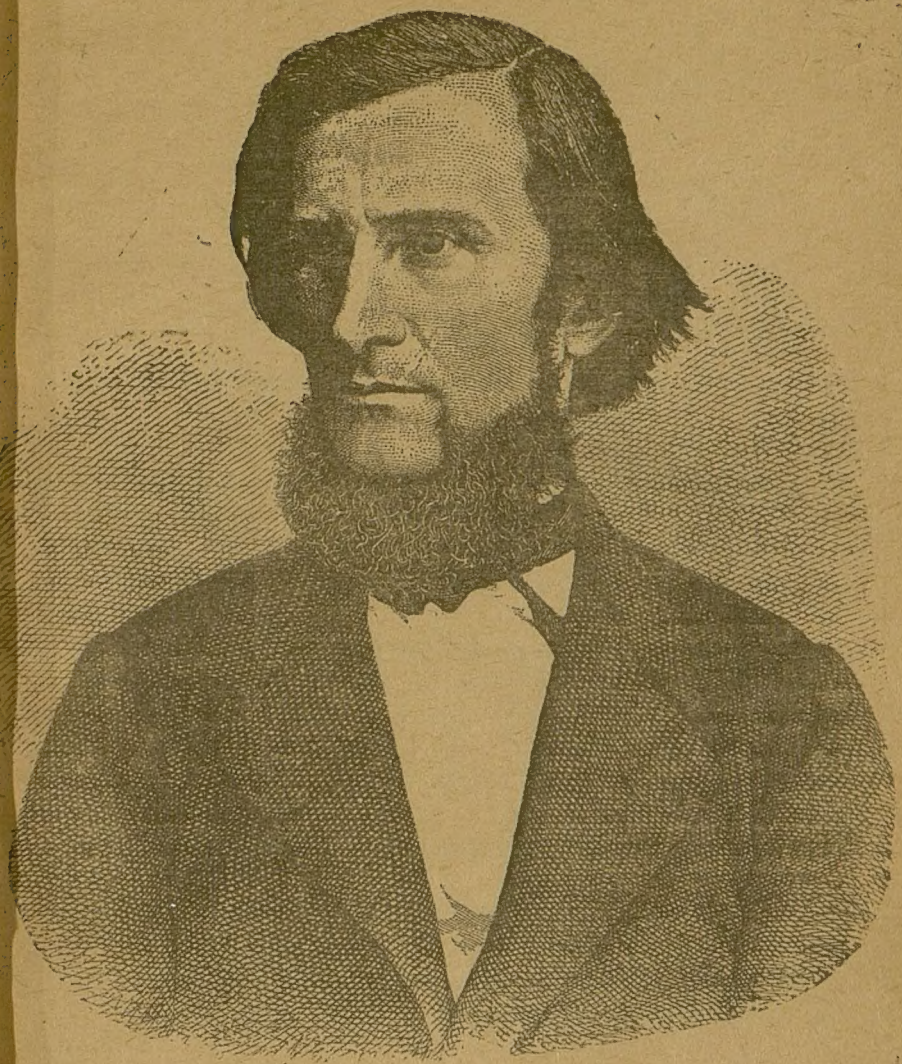
Ф. Ф. ШАМАХОВ
доцент Томского педагогического института

К. Д. УШИНСКИЙ О ВОСПИТАНИИ

ТОМСК — 1946

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

860258 V



К. Д. УШИНСКИЙ О ВОСПИТАНИИ

I. Общественно - педагогическое движение 60-х гг. XIX в. и жизнь К. Д. Ушинского

Педагогическая деятельность К. Д. Ушинского относится к естидесятым годам XIX столетия.

В «Кратком курсе истории Всесоюзной Коммунистической Пар- ии (большевиков)» дается следующая характеристика этого ериода:

«...При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться омышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую оизводительность труда в сельском хозяйстве. Весь ход эконо- ического развития толкал к уничтожению крепостного права. арское правительство, ослабленное военным поражением во вре- Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» отив помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году епостное право».*)

«И эти «освободители» так повели дело,—пишет В. И. Ленин в оей статье «Пятидесятилетие падения крепостного права», — что естьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из бства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их став- нникам».**)

Ни в одной стране мира народ не был в положении такой ни- еты и унижения, в каком он оказался после своего «освобожде- я» от крепостного права в России. И не случаен был тот факт, о «падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило о от векового сна, научило его самого искать выхода, самого сти борьбу за полную свободу»***).

*) История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий рс, стр. 5.

**) Ленин, Соч., том XV, стр. 109.

***) Ленин, там же.

Лучшие русские люди того времени поняли, что народу в е борьбе за лучшую долю надо оказать помощь. Но далеко не все них видели и понимали правильные пути в оказании помощи нар ду. Для них еще неясны были перспективы развития России, в первых фабриках и заводах еще только зарождался раб чий класс, единственный общественный класс, способный стать г гемоном революции. Самые передовые люди 60-х гг. в России, силу этой неясности перспектив дальнейшего развития своей Род ны, допускали ошибки. Даже такие корифеи человеческой мысл как Чернышевский и Добролюбов, впали в утопизм. Они мечтали социализме, видя путь к нему через крестьянскую общину.

Не мудрено, что когда начинают развиваться события 60-х г дов, ломаются многовековые устои феодально-крепостническо России, у многих лучших людей того времени растет иллюзорн вера в ближайшую зарю человечества, в освобождение народа кабалы и гнета мирным путем, путем различных реформ, путе просвещения народных масс.

В. И. Ленин, говоря об ошибках Чернышевского, писал, чт он «и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только ра витие капитализма и пролетариата способно создать материальны условия и общественную силу для осуществления социализма».*

Нет ничего удивительного в том, что вопросами просвещени народа в 60-х годах XIX века занимаются интеллигентные люд всех профессий.

Известный врач и лучший в мире хирург Н. И. Пирогов п пишет свои широко известные статьи об общечеловеческом бесс ловном воспитании и, для того чтобы заниматься вопросами во питания, меняет кафедру профессора медико-хирургической Ака демии на должность попечителя учебного округа.

Художник - писатель с мировым именем граф Л. Н. Толсто временно оставляет область художественного творчества, стро свою Яснополянскую школу и начинает учить деревенских ребят шек грамоте.

Публицисты — Чернышевский, Добролюбов, Писарев — поч в каждой своей статье поднимают вопросы воспитания.

Появляется целая плеяда художников, которые выдвигают л зунг «Искусство — народу» и, стремясь осуществить его, идут с своими картинами в народ, образуя направление в изобраз тельном искусстве, получившее название «передвижников» (Кра ской, Репин, Суриков и др.).

В музыке начинается тяга к самобытной народной песне, и случайно под лозунгом народности выступает группа крупнейш

*) Ленин, Соч., том XV, стр. 144.

усских композиторов — Балакирев, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков и др., — заслуженно получившая название «могучей кучки».

Шестидесятые годы закономерно порождают большое количество педагогических журналов: «Журнал для воспитания», «Русский педагогический вестник», «Ясная поляна», «Детский сад» и роч.

Появляется много крупных педагогов-методистов: Н. А. Корф, И. Водовозов, П. Г. Редкин, В. Я. Стоюнин, В. П. Острогорский, Н. Ф. Бунаков и др.

В начале 60-х гг. создается Петербургское педагогическое общество, возникает Комитет грамотности, во многих губернских городах организуются педагогические кружки.

Поднимаются проблемы всеобщего начального обучения, развития женского образования в России, возникают воскресные школы, ставящие задачу обучения взрослого населения, появляются первые детские сады в России, поднимается вопрос о реформе университетов, о их большей доступности и демократизации.

Объявляется бой мещанству и обывательщине в воспитании. Мораль старого мира, мораль «угождения и искательства», фамусовское «не сметь свое суждение иметь», лакейский лозунг — «не рассуждай, а исполняй» — подвергаются осмеянию. Высокие идеалы демократии и гуманизма, уважения к человеческой личности, проповеди воспитания человека, поднимающиеся у левого крыла представителей русской общественной мысли до лозунга воспитания «Человека и Гражданина» (Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов), — волнуют передовое русское общество шестидесятых годов.

Таково было то время, которое породило крупнейшего русского педагога К. Д. Ушинского. К. Д. Ушинский родился в 1824 г., в семье новгород-северского (Черниговской губ.) помещика. Блестяще окончив в 1845 году юридический факультет Московского университета, зараженный прогрессивными идеями передовой русской профессуры того времени Грановского, Редкина, Шевырева, Погодина и др., 22-летний Ушинский получил кафедру камеральных наук в Ярославском юридическом лицее. Но работать на этом поприще ему пришлось недолго.

Напуганное революцией 1848 года, царское правительство предприняло целый ряд «предупредительных» мер. От профессоров университетов и лицеев потребовали представлять на предварительный просмотр начальству учебных заведений конспекты их лекций.

К. Д. Ушинский отказался подчиниться этому требованию, заявив, что «живое педагогическое дело нельзя связывать с такими

формальностями; на это не пойдет ни один честный преподав тель». Его обвинили в «большом своеволии», причем было сказа что он «подал слишком невыгодное о себе понятие за свобо мыслей и передачу оных воспитанникам лицея» (цитируется лекции проф. Медынского «Великий русский педагог К. Д. Уш ский»).

Блестяще начатая служебная карьера Ушинского оборвала Взятый под политическое подозрение, он уехал в Петербург, после долгих скитаний с трудом получил место мелкого чинов ка департамента исповеданий. Но материальная нужда не с мила Константина Дмитриевича Ушинского. Горячая жаж деятельности, служения своей Родине волнует его. «С лать как можно больше пользы моему отечеству — вот еди ственная цель моей жизни, и к ней я должен направлять все св способности», — пишет он в своем дневнике в 1849 году. Уш ский тяготится своим бесправием. «Неужели мне придется гибнуть в этой тюрьме, в которой нет даже стен, чтобы разби себе голову?». «Чиновничий пролетариат», по его словам, «едва не самый грустный, самый тяжелый пролетариат в мире», — стр шит его, ибо он чувствует, как его «душа отравляется мало-пом лу, жизнь истощается с болью и по каплям»... Ушинский спеш покинуть чиновничье место, где от него требовалось угождать н чальству и прислуживать «всем людям без изъятия». Он перекл чается на журналистскую деятельность. Но что могла дать ем человеку без имени, карьера «журнального чернорабочего», ка он сам называл себя?

Случайная рекомендация дает ему возможность получить 1855 году место преподавателя географии, а затем инспектора Гатчинском сиротском институте. Ушинский с головой уходит педагогическую работу, инстинктивно почувствовав в ней живо дело. Знакомство с западно-европейской педагогической литерат рой усиливает его горячую жажду педагогического труда и дел ет передовым педагогом в России.

За период работы в Гатчинском институте Ушинским напис ряд педагогических статей, из которых наиболее известны следу щие: «О пользе педагогической литературы» (1857 г.), «Три эл мента школы» (1857 г.), «Внутреннее устройство северо-америка ских школ» (1858 г.), «О средствах распространения образова посредством грамотности» (1858 г.). Они носят преимуществен историко - критический характер. Здесь Ушинский пропагандиру опыт передовых стран, делая в то же время выводы, полезные д русской школы.

Начавшийся в 60-х гг. подъем общественно - педагогическо движения выдвигает Ушинского на должность инспектора же

кого Смольного института (1859—62 гг.) и вскоре вслед за этим он получает предложение редактировать «Журнал Министерства народного просвещения» (1860—62 гг.).

Работая в Смольном институте, Ушинский пишет статьи: «Труд в его психологическом и воспитательном значении» (1860 г.), «О нравственном элементе в русском воспитании» (1860 г.), «Воскресные школы» (1861 г.), «Проект учительской семинарии» (1861 г.), «Родное слово» (1861 г.), «Педагогические сочинения Пирогова» (1862 г.). Кроме того им в этот же период (1861 г.) была составлена хрестоматия под заглавием «Детский мир».

Целый ряд актуальнейших педагогических вопросов поднимает в них Ушинский: о труде, о родном слове, о подготовке учителей, об естествознании в школе и проч.

Работа в Смольном институте и сотрудничество в «Журнале Министерства народного просвещения» предоставляют ему возможность широкой общественно - педагогической деятельности. Смольный институт буквально преображается: он демократизируется (ликвидируется разделение воспитанниц на «благородное» и «неблагородное» отделения), старые учителя-чиновники заменяются прогрессивными людьми, вводится новый, более жизненный учебный план, организуется педагогический класс и проч. Став редактором «Журнала Министерства народного просвещения», Ушинский совершенно изменил всю его программу: вместо циркуляров Министерства, он сделал упор на вопросы педагогики и психологии, на критику педагогической литературы, на обзоры иностранной педагогической печати. Журнал из узко-официального превратился в широкий общественно - научный орган.

Но период терпимого отношения правительства к либеральным настроениям общества уже прошел. Начинается полоса крутого поворота вправо. Вспоминается «неблагонадежное» прошлое Ушинского; на его текущий счет заносятся новые «прегрешения»: отрицательное отношение к крепостному праву, реформаторская деятельность в Смольном институте, его либерализм. На Ушинского был сделан донос, и его уволили из Смольного института. Чтобы не раздражать прогрессивные круги русского общества, Ушинскому предоставляют длительную командировку за границу для изучения постановки женского образования.

За границей К. Д. Ушинский интенсивно работает над теоретическими вопросами педагогики. Там он пишет свои основные работы: «Человек как предмет воспитания», книгу для чтения с методическим руководством к ней — «Родное слово». «Педагогическая поездка по Швейцарии» и др.

Затравленный реакцией, Ушинский заболел туберкулезом, от которого не мог уже оправиться. В Россию он возвратился тяжело больным и вскоре после возвращения умер (в 1870 г.).

Так кончил свой жизненный путь самый передовой русский педагог, горячий патриот своей Родины, педагогическое творчество которого необычайно актуально и для нашей советской школы.

К изложению передовых педагогических идей Ушинского, созвучных нашему времени, мы сейчас и переходим.

II. Разработка основных вопросов теории воспитания

1. Народность воспитания

Состояние массовой народной школы того времени было очень далеко от идей, поднятых общественно - педагогическим движением 60-х гг. Система обучения ребенка совершенно не рассчитывалась на особенности детского восприятия и мышления; на обучение детей даже не смотрели как на специфическую проблему.

Изучение азбуки и букваря обычно затягивалось на многие годы. После букваря ребенка сразу засаживали за чтение псалтири и часослова — книг, которые он мог читать лишь механически, не понимая их содержания, совершенно не свойственного детскому возрасту.

В итоге всей этой учебы у ребенка получалось лишь отвращение к ней и зачастую не вырабатывалось даже механического умения беглого чтения.

Такова была массовая народная школа в России ко 2-й половине XIX века.

Однако развитие капитализма порождает поиски облегченных методов начального обучения. Начинают появляться первые, впрочем весьма неудачные, книги для детского чтения. С Запада переносятся теории, требующие организации привлекательного и легкого обучения детей.

Многие педагоги, а иногда и целые журналы того времени находились под весьма сильным влиянием немецкой педагогики. Например, редакция журнала «Учитель», намечая свою программу на 1861 год, рекомендовала широко использовать германскую педагогику.

К. Д. Ушинский—один из тех русских педагогов, которые в поисках путей развития народной школы, не преклонились перед не-

мецкой педагогикой. Великий педагог пошел путем создания самостоятельной русской педагогической науки.

В своих статьях «О народности в общественном воспитании» (1857 г.) и «О нравственном элементе русского воспитания» (1860 год) Ушинский, видя основную задачу воспитания в «воспитании человека», утверждает, что каждый народ идет в разрешении этой задачи своим, ему одному свойственным путем, по своим национальным тропинкам. Каждому народу присущи определенные национальные черты, составляющие его природу и определяющие его характер. Отпечаток нации на народном воспитании бывает настолько ясен, что обычно француза, англичанина, немца и т. д. можно узнать с первого взгляда.

Анализируя особенности воспитания в различных странах, Ушинский критикует воспитание во Франции, Англии, США и, особенно, немецкое воспитание. Он справедливо отмечает чрезмерную пунктуальность немца, доходящую до педантизма, его стремление к систематичности, разменивающееся на мелочи, отвлеченность, приводящую к полному отрыву от жизни и проч.

Русский народ имеет свои особенности, ему одному присущие. Не считаться с этими чертами своего народа не имеет права педагог. В основу воспитания народов должны быть положены его национальные особенности. Это, употребляя терминологию Ушинского, относится и к русской народности.

В чем же, по мнению К. Д. Ушинского, заключается содержание русской народности?

Следует заметить, что в работах Ушинского нет единого понимания народности. Здесь, как и во всей системе своих взглядов, Ушинский рос по мере того, как жизнь все больше и больше раскрывалась перед его наблюдательными глазами. От чисто идеалистического понимания народности Ушинский шаг за шагом идет к раскрытию могучих сторон духовной жизни великого русского народа.

Нам представляется, что если сделать общий вывод на основе глубокого изучения всей совокупности педагогических трудов Ушинского и в особенности последних его работ, то мы могли бы отметить следующие черты, которыми характеризуется русская народность в понимании К. Д. Ушинского: 1) патриотизм, 2) гуманизм, 3) демократизм.

Таким пониманием народности К. Д. Ушинский настолько приближается к нашему времени, что стоит несколько подробней остановиться на названных чертах.

Начнем с понятия патриотизма у К. Д. Ушинского. Официальная Россия средины XIX века жила известной формулой николаевского царствования: «Православие, самодержавие, народность».

Этой формулой определялось содержание патриотизма. При эт под народностью понималась проповедь национальной ограниче ности и шовинизма, под которыми у господствующих классов ру ского общества скрывались презрение к своему народу, преклон ние перед всем чужеземным.

Ушинский, в противовес официальному пониманию патриоти ма, выдвигает требование любви к своей Родине, к своему нар ду, призывает верить в могучие творческие силы народа. Он дока зывает, что это чувство глубоко заложено в душе каждого ру ского человека. Оно может до поры до времени не проявлять но, — утверждает Ушинский, — когда настанет тяжелая годи для Родины, в душе каждого проснется чувство тревоги и гото ности защищать свое отечество.

«Будь человеком, значит, будь сыном своей Родины, — пиш Ушинский, — глубоко почувствуй связь с родной почвой, сынов отнесись к ней, возврати сторицей ей то, что получил от нее».

«Смешно и жалко, больно и досадно слушать и читать, ко какой-нибудь литератор или наставник усиливается доказать, пример, что французов в двенадцатом году побили морозы, что истории нашей все достойно насмешки и презрения, или с насла дением развенчивает Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковс го, Гоголя... или доказывает с увлекательным жаром, что ни в н шем прошедшем, ни в нашем настоящем нет ничего такого, на ч могла бы остановиться юная душа с любовью и уважением... Не это не значит оплодотворять природу, а скорее делать ее совс шенно бесплодной, нет, это не образование, а дикость, вандализ

К. Д. Ушинский ополчается на тех, кто преклоняется пер всем иностранным и не находит ничего положительного в сво стране. Он учит любить свою Родину, необъятную, могучую богатую, о которой Н. А. Некрасов писал:

«Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
Матушка Русь».

Надо не только любить, но и знать свою Родину, изучать историю, экономику, географию, хорошо владеть языком свое народа.

Ушинский горячо протестует против такого обучения наш детей, при котором они знают чужие страны, а не могут назва притоков реки Оки или крупных русских городов, стоящих главнейших наших реках. Знание Родины усиливает любовь к ро

В. И. Ленин, выражая свою мысль о национальной гордости русского народа, писал в 1914 году:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою Родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы их трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную Родину царские палачи, дворяне и капиталисты»*).

И. В. Сталин всегда с чувством необыкновенной гордости говорил о русской нации.

Великий русский педагог, сошедший в могилу 75 лет тому назад, развивает, таким образом, идею, весьма близкую нашему времени.

Таково понятие патриотизма у К. Д. Ушинского, так много в нем созвучного нашей сталинской эпохе.

Не менее роднит Ушинского с нами и вторая черта в его понимании русской народности — гуманизм.

А. М. Горький справедливо указывал на социалистический гуманизм, как на основную черту нашей советской литературы. Гуманизмом, глубочайшей любовью ко всему прогрессивному, человеческому пронизано все творчество великих русских писателей дореволюционной эпохи; горячая любовь и солидарность со всеми трудящимися звучат в русской народной песне, в мелодиях нашей народной музыки, они ярко выступают из-под кисти великих мастеров народного изобразительного творчества. Он, таким образом, присущ всему подлинно русскому, народному.

С особой наглядностью выявилась эта черта русского народа в нашу эпоху. Русский народ, сплотив вокруг себя все народы нашей страны, одержал победу над фашизмом, завоевал мир и обеспечил прогресс человечеству.

Гуманизм является характерной чертой для всего творчества великого русского педагога. Не случайно он так жадно использует в своих работах все прогрессивное, что находит в западно-европейской или американской школе. Недаром науку он считает одной из основ воспитания. «Развитие сознания, без сомнения, одна из главнейших целей воспитания, и истина науки является оружием для этого развития» — пишет Ушинский.

В своей статье «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова» он вполне соглашается с известным педагогом, что «общее гуман-

*) Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 81.

ное образование должно составлять главную цель низших, средних и даже отчасти высших учебных заведений»... Это не мешало, однако, Ушинскому в вековом споре между сторонниками классического и реального образования твердо занимать позиции приближения школы к жизни, быть пропагандистом реальных знаний. Ушинский полагает, что если правильно подойти к решению спора между классической и реальной школой, то проблема будет очень просто разрешена. Во-первых, он справедливо замечает, что «реальное направление в образовании пагубно для человека, если он прежде не был развит гуманно, что оно сушит, убивает в человеке человека и что даже для самого реализма необходим гуманизм как основание». Во-вторых, Ушинский в своих педагогических трудах закладывает основу нашего взгляда на проблему взаимоотношения гуманизма и реализма в воспитании и, таким образом, дает предварительное решение задачи, окончательно решенной советской школой: «Реализм и гуманизм можно найти в каждой науке, и различие это заключается, собственно, не в различии наук, но в различии способа их изучения. Можно из истории сделать реальную науку...; наоборот, можно арифметикой и химией развивать гуманность в человеке, и даже обучение грамоте можно сделать гуманным и реальным».*)

Ушинский наглядно показал, как это сделать. Его книга «Детский мир» служит примером, как с помощью естественно - научных знаний можно воспитывать из ребенка гуманиста.

Советские педагоги в этом вопросе полностью соглашаются с Ушинским.

Великим гуманистом является Ушинский и тогда, когда в основу воспитания он кладет родной язык, нарушая тем самым вековые традиции, согласно которым было признано, что дух гуманизма следует пробуждать, прежде всего, через изучение древних языков — латинского и греческого. «Главным предметом в общем гуманном развитии современного человека должны стоять вовсе не классические языки, а родной язык и родная литература», утверждал Ушинский. «Изучением родного слова мы вводим дитя в дух народа, создание его многовековой жизни, в тот единственный живой ключ, из которого бьет всякая сила и всякая поэзия» — продолжал Константин Дмитриевич.

Советский педагог не может не согласиться и с этим утверждением Ушинского.

Исходя из роли родного языка, Ушинский находит, что в начальной школе не должно быть отдельных книг по разным предметам. Следует иметь лишь одну — по родному языку, — в кото

*) К. Д. Ушинский, Избр. педаг. соч., I, стр. 283.

рой отдельные предметы найдут свое определенное место, но во главе их будет стоять родной язык, как предмет, имеющий особенно важное значение для начальной школы, служащий пропедевтическим введением к изучению других учебных дисциплин. Реализуя эту мысль, Ушинский написал свою замечательную хрестоматию «Родное слово», широко применявшуюся в прогрессивной дореволюционной начальной школе. «Родное слово» выдержало свыше 150 изданий и дожило вплоть до Октябрьской революции, а по своим высоким методическим качествам, при соответствующем критическом отношении к его содержанию, и сейчас вполне достойно для изучения советским учителем.

Таков Ушинский - гуманист.

Не меньший интерес представляет для советской общественности Ушинский как демократ.

Демократизм являлся чертой, искони характеризующей подлинно русских людей.

В. И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов» пишет:

«И мы, великорусские рабочие, полны чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»*).

И. В. Сталин в своих выступлениях неоднократно отмечал демократизм как основную черту великого русского народа. Он говорил, что русский народ является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза, что он в Отечественной войне заслужил общее признание, как руководящей силы среди всех народов нашей страны, и что он — руководящий народ потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

В тот период, когда жил Ушинский, до расцвета демократии наших дней было так далеко, что великому педагогу приходилось огромные силы расходовать на борьбу за очень элементарные с нашей точки зрения требования. Ему приходилось бороться за то, чтобы увеличить количество школ для народа, за хорошего учителя для народной школы, за учебник, позволяющий давать не суррогат знаний, а знания, нужные народу.

*) Ленин, Соч. том XVIII, стр. 82.

«Не только число сельских школ весьма незначительно... скорбит Ушинский, — но и те школы, которые существуют, если и учат чему-нибудь и как-нибудь, то уже решительно не воспитывают своих учеников ни умственно, ни нравственно и не действуют нисколько на правильное развитие народного характера, потому что сами не имеют никакого характера».

Нельзя механически переносить к нам методику западно-европейских школ. Наша школа должна иметь свой характер, присущий духу русского народа.

«...Конечно, — пишет Ушинский, — мы можем занять много полезных педагогических изобретений у западных наших братий, опередивших нас в образовании. Но дух школы, ее направление, ее цель должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно истории нашего народа, степени его развития, его характеру».

С этой точки зрения К. Д. Ушинский резко критикует правительственный проект реформы народной школы. Нет в нем духа народного, это — «нелепая вещь, — просто набор фраз». Правительство боится народа, потому оно и не решается создать школу, свободную от чиновничьей опеки, подлинно народную школу. В статье «Общий взгляд на возникновение русской народной школы» Ушинский замечает: «Кто хорошо знаком с историей России, тот ни на минуту не задумается вручить народное образование самому же народу»*).

Уже будучи на краю могилы, узнав о развитии земских школ, Константин Дмитриевич жадно ищет в них тот народный дух, который он всегда пытался внести в правительственную школу. Он пишет Корфу — организатору земских школ в России: «Я полагаю, что земская школа должна, наконец, положить прочное основание народному образованию в России и что теперь именно настало время организовать разрозненные попытки в этом отношении всех честных людей».

За месяц до смерти Ушинский, подробно ознакомившись с отчетами Корфа о развитии земских школ, вновь пишет ему: «О, если б вас можно было помножить на число наших губерний, не говорю уже уездов, — через 10 лет Россия была бы уже другой».

К. Д. Ушинскому не удалось увидеть Россию иной, да она и не стала иной через десять лет. Только Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила ее лицо и преобразовала русскую школу, вдунув в нее тот подлинно демократический народный дух, о котором великий педагог не смел даже мечтать.

*) Собр. педаг. соч. К. Д. Ушинского, С. П. Б., 1913, стр. 531-32

2. Родной язык — основное средство воспитания народности

Решив вопрос о народном характере русской школы, К. Д. Ушинский задумался над вопросом, как сделать народным ее содержание?

Основное средство воспитания народности он увидел в родном языке. Именно через язык, по его мнению, прежде всего, воспитывается вся душа народа.

«Почему язык немца звучит иначе, чем язык славянина?»*) спрашивает Ушинский. И отвечает: «Язык народа есть цельное органическое его создание»... «В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы — весь тот глубокий, полный мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов».

С помощью родного языка, по мнению К. Д. Ушинского, мы не только познаем характер народа, создавшего данный язык, но одновременно используем его как величайшего наставника, который знакомит дитя с тайнами природы, учит познавать всю многогранную духовную жизнь народа, знакомит с характерами окружающих людей, с обществом, с его историей, поэзией, философскими воззрениями и проч. При этом как учит? — Учит многому и чрезвычайно легко. Родной язык является удивительным педагогом. Выучить несколько иностранных слов стоит иногда ребенку большого труда. Простейшие отвлеченные понятия непосильны ему. Тогда как на практике, — говорит Ушинский, — в родном языке, он легко и свободно пользуется теми же самыми тонкостями, которые мы напрасно усиливаемся ему объяснить... Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка и усваивает легко и скоро, в два—три года, столько, что и половины того не может усвоить в двадцать лет прилежного и методического учения. Таков этот великий народный педагог — родное слово»**).

Основной вывод из этого положения, как мы видели выше, тот, что родной язык в школе должен стать центральным предметом.

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., I, стр. 160.
**) Там же, стр. 162.

Из этого же положения К. Д. Ушинский делает ряд очень ценных выводов, касающихся изучения иностранных языков в школе:

1. «Изучение иностранных языков не следует начинать слишком рано, «никак не прежде того, пока будет заметно, что родной язык пустил глубокие корни в духовную природу дитяти».

2. «Иностранные языки должно изучать один за другим, а никогда двух (sic!—Ф. Ш.) одновременно".

3. «К изучению второго иностранного языка должно приступать уже тогда, когда в первом дитя приобретает значительную свободу».

4. «Знание языка тогда только прочно, когда человек, по крайней мере, начинает на этом языке читать довольно свободно, а иначе оно совершенно бесполезно».

5. «Изучение того или другого иностранного языка должно итти по возможности быстро, потому что в этом изучении ничто так не важно ,как беспрепятственное упражнение и повторение, предупреждающее забвение»*).

С этой целью Ушинский совершенно справедливо требует иметь в школе на изучение иностранного языка не два и даже не четыре, а шесть, семь, восемь уроков в неделю.

Первые три высказанные здесь требования Ушинского советскими педагогами достаточно четко усвоены. Что касается двух последних, то, к сожалению, на них еще до сих пор не обращено должного внимания, а без них невозможно решить проблему изучения иностранного языка в нашей школе.

3. Борьба К. Д. Ушинского с формализмом в обучении и воспитании

В настоящее время советских педагогов весьма волнует проблема борьбы с формализмом.

В чем заключается его сущность?

Народный Комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин на Всероссийском совещании по народному образованию в августе 1945 года говорил: «Механическое усвоение учебного материала, содержание которого не раскрыто и не продумано; заучивание школьниками словесных формул, лишенных для них конкретного смысла; отсутствие связи между приобретаемыми знаниями и жизнью практической — вот основные признаки того, что мы называем формализмом в обучении».

*) К. Д. Ушинский, Избр. соч., I, стр. 168—169.

Проблема борьбы с формализмом в учебно - воспитательной работе во всю ширь была поставлена великим русским педагогом К. Д. Ушинским и не только поставлена, но и правильно решена.

Задолго до К. Д. Ушинского, на ранней заре развития капиталистических отношений, в педагогическом мире Западной Европы (Витторино да Фельтре, Эразм Ротгердамский, Рабле и др.) был поднят глубоко принципиальный вопрос, выросший в многовековую дискуссию, — что следует положить в основу обучения: увеличение общего объема знаний, накопление материала или это — второстепенное дело, а главное заключается в том, чтобы дать ребенку широкое общее развитие.

Сторонники первого взгляда на обучение полагали, что главное заключается в объеме знаний, в многообразии их, ибо широкий объем знаний позволит более глубоко познать все стороны жизни и лучше приспособиться к ней. Отсюда следовал вывод: как можно больше нагружать ребенка различным материалом — фактами, событиями, датами, формулами, правилами. Все это в практике работы массовой школы вело к механическому заучиванию изучаемого материала. Голова ребенка набивалась им до отказа, для переработки и освоения его недоставало времени. Ребенок, будучи не в состоянии понять и осмыслить огромный материал, погружался в зубрежку.

Сторонники второго взгляда на обучение считали, что основное заключается в том, чтобы дать ребенку широкое общее развитие, развить его мысль. Видя к чему приводит перегрузка материалом, сторонники развивающего (формального) обучения объявили бой сторонникам материального обучения и ударились в другую крайность—как можно меньше запоминания различных фактов, правил, формул. Все это мыслящий человек сможет найти в различных справочниках. Школа должна стать ближе к самой жизни.

Вред, наносимый интеллектуальному развитию ребенка сторонниками теории материального обучения, был настолько велик, что лучшие педагоги запада — Ж. Ж. Руссо, Песталоцци, А. Дистервег и многие другие оказались в плену теории развивающего обучения.

Американский педагог Дж. Дьюи договорился даже до того, что знание — подобно бездонному океану: как нельзя исчерпать до дна воды океана, так невозможно познать все. Отсюда Джон Дьюи делал вывод: если познать все невозможно, то и незачем стремиться к систематическим знаниям, надо приобрести навыки, уменья находить нужные знания в каждый определенный момент, когда это потребуется, пользуясь различными книгами и справочниками. Поэтому надо бороться не за знания, а за общее развитие ребенка. Такая постановка вопроса, естественно, вела к снижению

систематических знаний и к недооценке накопления фактического материала, а в итоге этого и общее развитие ребенка замедлялось.

В таких противоречиях тщетно билась мысль лучших педагогов Запада. Не вооруженные диалектико - материалистической философией Маркса-Энгельса, они были бессильны правильно решить проблему. Во всем своем объеме она могла быть решена только советской педагогикой. И советская педагогика действительно ее решила, хотя, к сожалению, далеко не сразу.

Огромная заслуга К. Д. Ушинского и заключается в том, что он значительно облегчил нам разрешение этой глубоко принципиальной теоретической проблемы воспитания.

Массовая школа 60-х годов XIX века в России, также как и на Западе, была во власти сторонников концепции материального обучения. Надо ли говорить о том, к какому голому формализму, сводящемуся к бессмысленной зубрежке, это приводило в условиях России того времени, в условиях почти полного отсутствия приспособленных к детскому миропониманию учебников и детских книг для чтения. Не было бы ничего удивительного, если бы всякий ищущий педагог этого периода впал в противоположную крайность ,как это и произошло с передовыми педагогами Западной Европы.

Однако с Ушинским этого не случилось...

В массовой школе, находящейся во власти сторонников материального обучения, при изучении отечественного языка, вполне естественно, весь упор делали на формальные стороны обучения, на грамматику, сводя, таким образом, весь процесс обучения к зубрежке грамматических правил. Придавая исключительную роль родному языку как средству воспитания народности, Ушинский не мог, конечно, мириться с таким положением. Вот почему он выступил с решительным протестом против формализма в изучении родного языка, а вместе с тем и против формализма в обучении вообще. Таким образом, свыше 80 лет тому назад великим педагогом была поднята проблема, которая еще так жива и в наше время.

В предисловии к 1-му изданию «Детского мира» Ушинский писал:

«Язык не есть что-либо отрешенное от мысли, а, напротив, органическое ее создание, в ней коренящееся и беспрестанно из нее вырастающее; так что тот, кто хочет развивать способность языка в ученике, должен развивать в нем, прежде всего, мыслящую способность. Развивать язык отдельно от мысли невозможно; но даже развивать его преимущественно перед мыслью положительно вредно».*)

---

*) К. Д. Ушинский, Избр. педаг. соч., I, стр. 173.

Об этом забывают некоторые советские педагоги и в результате получают то, что мы называем формализмом в обучении, т. е. механическим, пассивным, недостаточно осмысленным усвоением учащимися учебного материала, заучиванием ими словесных формул, лишенных конкретного содержания, неумением связывать полученные знания с жизнью.

К. Д. Ушинский с большим жаром доказывает, что формализм противоречит природе ребенка: «Дитя, если оно еще не испорчено ложным воспитанием, не склонно к фразам: его, прежде всего, увлекает самая мысль, содержание, явление, факт, а не форма выражения мысли. Нельзя придумать более неприличного для дитяти, более старческого занятия, как забота об отделке форм. Это роскошь, желание которой приходит уже тогда, когда содержания в уме много, когда новое перестает нас сильно занимать, а для ребенка весь мир еще нов и занимателен».*)

Таким образом, изучая Ушинского, советский педагог может избежать формализма — самой большой болезни нашей школы на данном этапе ее развития.

Задолго до нашего времени Ушинский отказывается от формально - грамматического направления в обучении родному языку и, может быть, большее внимание Ушинскому со стороны советских педагогов избавило бы многих из них от ошибок, которые на начальном этапе развития советской школы приводили их к признанию формально - грамматического направления «единственно научным» направлением в обучении родному языку. Много вреда принесло оно советским школьникам, весьма способствуя низкому уровню их грамотности.

Активная борьба с ним наших советских педагогов началась лишь после того, как современное марксистское языкознание, разработанное школой академика Н. Я. Марра, с необычайной ясностью доказало огромный вред отрыва языка от развития мысли, т. е. то самое положение, которое задолго до появления Марра явилось основанием учения К. Д. Ушинского о языке.

Приведенная выше выдержка из предисловия к I-му изданию «Детского мира» показывает, что великий русский педагог поднимается до подлинной диалектики, требуя единства языка и мышления (единства формы и содержания). К этому требованию Константин Дмитриевич возвращается неоднократно. В том же предисловии к «Детскому миру» он пишет: «В душе дитяти с логической мыслью будет срастаться прекрасный поэтический образ; развитие ума будет итти с развитием фантазии и чувства;

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., I, стр. 173—174.

логическая мысль отыщет себе поэтическое выражение, и, наоборот, поэзия выражения закрепит самую мысль»*).

Единства формы и содержания добивается Ушинский и в развитии ума. «Ум можно развивать также реально и формально, — пишет он. — Умственная гимнастика развивает ум формально; одни только положительные, совершенно усвоенные умом знания, преобразившиеся в идеи, развивают его реально...».

«Односторонняя рассудочная гимнастика, для которой все равно, над чем бы рассудок не упражнялся, только бы упражнялся, воспитывает поверхностных резонеров — людей, готовых рассуждать о каком угодно, даже вовсе им неизвестном, предмете, потому что в голове их всегда много готовых рассудочных категорий, могущих принять сегодня одно, а завтра другое содержание...»**).

Такая умственная гимнастика, как справедливо замечает Ушинский, развивая силу ума, портит характер ребенка, приучая его к бесполезному «бесследному перемалыванию мыслей».

Поэтому преподаватель всегда должен помнить: «не самое знание, а идея, развиваемая в уме дитяти усвоением того или другого знания, — вот что должно составлять зерно, сердцевину, последнюю цель таких занятий. Вокруг этого ядра должны органически нарастать логическая и умственная оболочка»***).

Нужны не знания для знаний, а лишь полезные для жизни знания—хочет сказать этим Ушинский. Воспитывать надо не вообще личность с широким кругом знаний, а «идейно убежденную личность». Это легче всего сделать на положительных знаниях, т. е. на естественно-научном материале. «Нам кажется,—пишет Ушинский в своей статье «Внутреннее устройство северо-американских школ», — что трудно найти какой-нибудь другой предмет преподавания, более естественных наук способный развивать умственные способности и укреплять их силу в ребенке. Логика природы проще, очевиднее и сильнее логики классических языков, употребляемых до сих пор для цели развития»****).

Верно поставленное решение вопроса о единстве формы и содержания позволило великому педагогу внести правильное решение в многовековый спор педагогического мира — спор между сторонниками материальной и развивающей (формальной) основы в обучении.

Сторонники обеих этих концепций не правы. Истина кроется

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., I, стр. 181.
**) Там же, стр. 174.
***) Там же, стр. 175.
****) Там же, стр. 145.

единстве материальной и формальной основы. Вот вывод, к которому ведет нас Ушинский.

«При беседах с учениками,—пишет он в статье «Воскресные школы»,—должно иметь постоянно две цели и не увлекаться ни одною из них настолько, чтобы позабывать о другой. Первая цель, формальная, состоит в развитии умственных способностей ученика, его наблюдательности, памяти, воображения, фантазии и рассудка... Вторая цель школьного учения, реальная, столь же важна, как и первая, да еще, если хотите, и важнее первой. Для достижения этой цели, прежде всего, необходим разумный выбор предметов для наблюдений, представлений и соображений»*).

Обе эти цели должны быть поставлены не изолированно одна от другой, а в единстве. Это диалектическое положение К. Д. Ушинский доказывает следующим образным сравнением:

«Голова, наполненная отрывочными, бессвязными знаниями, похожа на кладовую, в которой все в беспорядке и где сам хозяин ничего не отыщет; голова, где только система без знания, похожа на лавку, в которой на всех ящиках есть надпись, а в ящиках пусто. Истинная педагогика, избегая обеих крайностей, дает ученикам прежде материал, и, по мере накопления этого материала, приводит его в систему. Чем более и разнообразнее накопляется материал, тем выше становится система и, наконец, достигает до отвлеченности логических и философских положений».

Из всего сказанного мы сделаем вывод, что К. Д. Ушинский внес действительно диалектическое решение вопроса в издавна спорную проблему: нельзя противопоставлять материальную и формальную основы обучения, их надо рассматривать в единстве, причем, ведущим звеном должно быть накопление материала. Забвение этого положения, неумение диалектически решить проблему, завело многих теоретиков советской школы в дебри левацкой педагогики, к методу проектов, к отрицанию систематических знаний, к недооценке изучения основ наук, наконец, к снижению роли школы и учителя.

Недаром ЦК ВКП(б) вынужден был выступить со своим историческим решением от 5. IX. 31 г. «О начальной и средней школе», в котором было записано: «ЦК считает, что коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний...».

Это был исторический поворотный момент в жизни советской школы. Этот момент мы по праву можем назвать торжеством пе-

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., I, стр. 225—226.

дагогических идей нашего великого соотечественника в теории советской педагогики. С этого же момента можно считать начало крушения формализма в литературоведении, формально-грамматического направления в языкознании, социологизма в истории. Одновременно с этим резко меняется и практика советской школы: из нее беспощадно изгоняются схематизм, засилье общих фраз, с которыми так решительно боролся Ушинский, в ней начинают готовить «вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук». Физика, химия, математика, родной язык и др. предметы, составляющие основы всякого знания, четко выделяются из бесформенного комплексного преподавания (против которого тоже решительно боролся Ушинский).

Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании в школах истории и географии возродилось преподавание истории и географии в начальных и средних советских школах. Известно, какое огромное значение знанию родной страны и изучению, в связи с этим, географии и «отечествоведения» придавал Ушинский.

Сейчас, решая проблему борьбы с формализмом в обучении, мы, советские педагоги, обязаны самым тщательным образом изучать наследие великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского.

4. Роль труда в педагогической системе Ушинского

Из борьбы за систематические знания, за естественно-научную основу образования и из ведущей роли материальной основы в обучении у К. Д. Ушинского вытекают его взгляды на детский труд в школе.

Труд играет в жизни человека огромную роль. В статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» Ушинский говорит об огромном значении труда как для личной жизни человека так и для жизни всего общества. «Без личного труда человек должен итти назад. Тело, сердце и ум человека требуют труда, и это требование так настоятельно, что, если, почему бы то ни было, у человека не окажется своего личного труда в жизни, тогда он теряет настоящую дорогу...»*).

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., I, стр. 175.

Труд, по мнению К. Д. Ушинского, всегда облагораживает человека и вносит внутреннюю стройность и красоту в жизнь общества.

Что понимал К. Д. Ушинский под трудом? В своей монументальной работе «Человек как предмет воспитания» и в ряде своих статей он рассматривает труд как врожденное, свободное стремление человека к деятельности, доставляющее ему глубокое внутреннее счастье. От «труда» в данном понимании Ушинский отличает «работу», как деятельность не свободную, совершаемую по принуждению. Великий педагог видит большую разницу между работой животного, крепостного раба, рабочего капиталистической фабрики и работой свободного землепашца или человека той или иной, так называемой свободной профессии, работающих, по его мнению, по своему внутреннему призванию.

К. Д. Ушинский понимает, что в условиях капиталистического общества не может быть свободного труда, ибо он всегда подневолен и поэтому мало способен облагораживать человеческую личность.

«Там, у них, у капиталистов, — говорит И. В. Сталин, — самое желанное дело, заслуживающее общественного одобрения, иметь ренту, жить на проценты, быть свободным от труда, считающегося презренным занятием»*).

Только в условиях коммунистического строя человек получает возможность трудиться по призванию и труд превращается «из позорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело с л а в ы, в дело д о б л е с т и и г е р о й с т в а»*).

К. Д. Ушинский считал труд необходимым условием для развития человеческого общества.

«Труд — не игра и не забава; он всегда серьезен и тяжел. Только полное сознание необходимости достичь той или другой цели в жизни может заставить человека взять на себя ту тяжесть, которая составляет необходимую принадлежность всякого истинного труда»**).

Отсюда К. Д. Ушинский делает выводы о громадном воспитательном значении труда, выводы, показывающие огромную глубину и самостоятельность его мысли.

В борьбе против засилья муштры и зубрежки, особенно в крайних формах их проявления, как это имело место в русской школе

**) И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, Издание 9-е, стр. 393.
*) К. Д. Ушинский. Избр. пед. соч., I, стр. 149.

средины XIX в., трудно было не впасть в противоположную крайность. Такой крайности, как известно, не избежала передовая западно-европейская педагогика, вставшая на путь борьбы с засильем схоластической школы. Западно-европейские педагоги средины XIX века, особенно немецкие педагоги, — скатились к требованию строить весь процесс обучения исключительно на интересе детей, превратив его в развлечение для детей.

К. Д. Ушинский, однако, не только избежал такой крайности, но и сумел сделать глубокие и чрезвычайно ценные педагогические выводы. Осмеивая немецкую развлекательную педагогику, он зло именует ее «потешающей» педагогикой.

«Нет сомнения, — пишет он в предисловии к I-му изданию «Детского мира», — что прежняя схоластическая метода учения губительно действовала на ум; но причина этого лежала не в серьезности занятия, а в его бессмыслии. Но если зубрение часослова и псалтыря действовало на умственное развитие, то шутливая потешающая детей педагогика разрушает характер человека в самом зародыше. Ученье есть труд и должно остаться трудом, но трудом полным мысли, так чтобы самый интерес учения зависел от серьезной мысли, а не от каких-нибудь не идущих к делу прикрас»...*).

«Ученье есть труд и должно остаться трудом» — вот вывод Константина Дмитриевича, который должны хорошо усвоить советские педагоги. Они обязаны больше всего бояться, чтобы у ребенка не развился легкий, поверхностный взгляд на ученье, на чтение книги, на труд вообще, на жизнь.

Поверхностный взгляд на учение вырабатывает безвольных, слабохарактерных людей, чуждых воспитательному идеалу советской школы. Опасность его довольно велика и у нас. Стоит только вспомнить о детях, которые иногда ни в школе, ни дома не приучаются ни к какому усидчивому труду, стоит вспомнить как мы зачастую слабо руководим внеклассным чтением детей, о бесистемности этого чтения. Ведь наш советский педагог здесь может отметить две крайности: или полную нелюбовь ребенка к внеклассному чтению, или стремление к чтению без мышления, без труда обдумывания, простое «глотание» книг. Наши школы (не говорим уже о семьях) зачастую очень плохо руководят внеклассным чтением детей, не вносят в него определенную систему, не заставляют детей подумать над книгой и сделать из нее соответствующие выводы.

К. Д. Ушинский справедливо настаивает на необходимости приучать ребенка «находить занимательное в том, что его беспре-

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., I, стр. 177.

станно и повсюду окружает, и тем самым показать ему на практике связь между наукой и жизнью». Надо учить ребенка вдумываться в жизнь, серьезно подходить к ней. Сам К. Д. Ушинский по этому принципу строит свою книгу «Детский мир». В ней любознательному детскому уму открывается реальная жизнь, раскрываются законы окружающей его жизни.

«Свободного времени у человека, живущего трудом рук своих, слишком мало и оно слишком драгоценно для того, чтобы тратить его на чтение каких-нибудь глупостей», — замечает Ушинский.

Особенно серьезно поэтому обязан честный педагог подойти к своей классной работе — к уроку.

Это не значит, что урок должен превратиться в скучное занятие для детей. Наоборот, Константин Дмитриевич всемерно предупреждает учителей против «школьной скуки». «...В школе,—пишет он,—должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку, ласковость без приторности, справедливость без придирчивости, доброта без слабости, порядок без педантизма и, главное, постоянная разумная деятельность...».

Требование серьезности в обучении и в то же время решительной борьбы со скукой, Ушинский вкладывает в весьма интересную форму, важную и для советского педагога, о дельности содержания педагогического процесса, сочетаемой с увлекательностью его формы.

Великий педагог здесь имеет ввиду ту истину, что любое трудное научное положение может быть оживлено увлекательным рассказом учителя, разнообразием и живостью методов преподавания, применением наглядности.

Исходя из всего сказанного, Ушинский ставит перед воспитателем задачу — привить детям любовь к труду, воспитать у них привычку трудиться, в том числе и привычку к умственному труду, ибо «мечтать легко и приятно, но думать — трудно». — замечает Константин Дмитриевич. Поэтому любовь к труду, а тем более привычка трудиться не приходят сами собою.

«Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, должно... приготовлять к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду»*).

К. Д. Ушинский этим поднимает огромной важности воспитательную проблему — воспитание активности и самодеятельности ребенка. Школа должна научить детей серьезно работать, не смотреть на свой труд с «легким, барским оттенком», школа обяза-

*) К. Д. Ушинский. Избр. пед. соч., I, стр. 153.

на помочь воспитаннику быть инициативной, деятельной, творческой личностью.

Эта задача воспитания является важнейшей задачей и нашего советского педагога.

III. О воспитании творческой личности

Нет ни одной школы в мире, которая поднимала бы вопросы воспитания активной творческой личности на такую большую высоту, как наша советская школа. Поэтому проблема воспитания творческой личности, выдвинутая Ушинским, и является столь созвучной нашей современности.

Решая задачу воспитания активной самодеятельной личности, К. Д. Ушинский ставит, во-первых, вопрос о самом ученике: что он собою представляет, какова его физическая и духовная природа; во-вторых, вопрос о том, как развить данные, заложенные этой природой, что должен представлять собою учитель, от которого, прежде всего, зависит развитие ребенка.

Остановимся сначала на группе некоторых вопросов, связанных с самой личностью воспитанника. Ушинский правильно полагает, что надо вооружить педагога научным пониманием основных законов детской природы.

«Если воспитатель хорошо познакомится с законами человеческой природы, насколько они нам известны, то для него достаточно здравого рассудка, чтобы оценить ту или иную педагогическую меру, тот или другой педагогический прием, а этих мер и приемов бесчисленное множество, ибо каждый данный действительный случай непременно изменяет всякий прием и всякую меру».

Руководствуясь этим положением, Ушинский приступает к работе над своим 3-томным трудом «Человек как предмет воспитания» (опыт педагогической антропологии), в котором хочет показать законы развития человеческой природы. На основе систематических знаний о физической и духовной природе человека Ушинский разрабатывает вопросы психологии, которым он предполагает посвятить первые два тома своего обширного труда. В третьем томе он намеревается показать практическое применение психологических данных к педагогике. В действительности же этот обширный замысел Ушинский не успел осуществить. Им написана только часть задуманной системы психологии, из которой можно делать лишь самые общие практические педагогические выводы.

Однако и то, что Ушинский успел сделать в своей «Антропологии», а равно и в других работах, позволяет советскому педагогу вооружиться весьма важными знаниями о природе ребенка.

Впервые перед педагогом предстал живой конкретный ребе-

нок, обладающий различными свойствами внимания, памяти, мышления, воли, воображения и проч.

Чтобы показать величие Ушинского как знатока детской души и все значение его для нашего времени, нет необходимости останавливаться на анализе его психологического учения в полном объеме. Это предмет специальной работы.

Мы позволим себе проанализировать значение для советского педагога лишь учения Ушинского о внимании и памяти.

«Внимание есть та единственная дверь нашей души, через которую все, что есть в сознании, непременно проходят, — пишет К. Д. Ушинский в «Руководстве к преподаванию по «Родному Слову», — следовательно этой двери не может миновать ни одно слово ученья, иначе оно не попадет в душу ребенка. Понятно, что приучить дитя держать эти двери открытыми есть дело первой важности, на успехе которого основывается успех всего ученья»*).

Далее Ушинский развивает учение о двух видах внимания — пассивном и активном. Он совершенно правильно определяет первое как внимание, не требующее никаких волевых проявлений со стороны ребенка, а второе как волевой акт дитяти.

Пассивное внимание возбуждается интересом, вызванным самим предметом, которым занимается ребенок (яркий рассказ учителя, увлекательная книга и проч.), в активном внимании «не предмет владеет человеком, а человек—предметом»: ребенку скучно учить таблицу умножения, но делать это надо, и он учит.

«Чем больше у меня власти над самим собою и над моим вниманием, тем больше и активного внимания, — пишет Ушинский.— Люди рассеянные, по большей части, в то же время и люди слабохарактерные, с ничтожною волею»**).

Таким образом, развитие активного внимания ведет к воспитанию волевого человека. С этой точки зрения, советский педагог должен проникнуться особым уважением к Ушинскому, ибо воспитание человека с сильной волей и твердым характером есть одна из задач коммунистического воспитания.

В борьбе двух начал в обучении — материальной и формальной основы — активный и пассивный виды внимания учащегося играли немаловажную роль. Сторонники материальной основы обучения отправлялись от активного внимания ребенка, их противники требовали сделать весь педагогический процесс интересным и увлекательным, полностью полагаясь на пассивное внимание ребенка.

Ушинскому и здесь предстояло решить задачу — где истина?

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., II, стр. 171.
**) Там же, II, стр. 172.

Благодаря большому педагогическому чутью, присущему великому педагогу, и эта задача была решена им диалектически верно.

Ушинский констатирует, что схоластическое учение приносило много зла учащимся, так как интерес дитяти предавался забвению. Но оно развивало зато в детях активное внимание и через него силу воли. «В прежних схоластических училищах сотни людей гибли под железною ферулою, но десятки выходили хотя с извращенными, однако сильными характерами», — замечает он.

Иное дело получалось у представителей формального обучения. Ушинский критикует новую германскую педагогику, стремившуюся весь педагогический процесс построить на интересе ребенка. «...Такое интересующее ученье, развивая дитя, не дает никакого упражнения его воле, а, следовательно, не только не способствует, но еще мешает развитию в нем самостоятельного характера», — справедливо говорит он.

Свой вывод К. Д. Ушинский формулирует так:

«Истинный путь и здесь, как и в большей части случаев, лежит посредине. Должно делать ученье занимательным для ребенка, но в то же время должно требовать от детей точного исполнения и незанимательных для них задач, не наклоняя слишком ни в ту, ни в другую сторону, давая пищу пассивному вниманию и упражняя активное, которое хотя слабо в ребенке, но может и должно развиваться и крепнуть от упражнения. Воля наша, как и наши мускулы, крепнет только от постепенно усиливающейся деятельности: чрезмерными требованиями можно надорвать и волю и мускулы и остановить их развитие; но, не давая им упражнения, вы непременно будете иметь и слабые мускулы и слабую волю».*)

Таково то диалектическое решение вопроса о внимании, данное Ушинским, с которым полностью должен будет согласиться и советский педагог.

Не меньший интерес для нас, советских педагогов, представляет учение Ушинского о памяти.

Вслед за Кантом, он различает три рода запоминания: механическое, рассудочное и искусственное.

Заслуга Ушинского перед советской школой тем больше, что и здесь ему приходилось преодолевать ошибки тех же двух концепций в педагогике — механической и рассудочной школы. Сам он в своей статье «Педагогические приложения анализа памяти» по этому поводу замечает: «На преобладании механического или рассудочного изучения основывается главным образом

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., II, стр. 172—173.

противоположность старой--схоластической школы и новой—рассудочной».

Чутьем большого педагога улавливая истину, Ушинский не склонен отдавать предпочтение которому-нибудь из этих двух родов памяти. Он и здесь находит диалектическое решение вопроса.

Прекрасно понимая всю непедагогичность сторонников материального обучения, превративших школу в бессознательную зубрежку, Ушинский тем не менее критикует сторонников рассудочного обучения за то, что они «поставили уж слишком низко механическую память и механическое заучивание». Он правильно утверждает, что такое заучивание все же остается «материальной основой всего учения». Вспоминая собственные имена, даты, число жителей, запоминая первые иностранные слова, даже слова родной речи и т. п., мы опираемся на механическую память. Рассудочный элемент нельзя, стало быть, внести во все учение детями. «Вот почему ученье никак не должно пренебрегать этой памятью (механической. Ф. Ш.), хотя и не должно, с другой стороны, на ней одной только основываться, как это часто было в старинных схоластических школах», -- делает вывод Ушинский.

Рассудочная, логическая память основывается на рассудочных ассоциациях. «...Логические категории, выработанные нами, как, например, о причине и следствии, о цели и средстве, о целом и частях, о покое и движении, о пространстве и времени и т. п., приходят на помощь механической памяти, делаясь напоминаниями, вызывающими забытое», — пишет Ушинский. При этом «здесь материал нашей памяти приводится ими в такую форму, в которой он дает плоды для нашего духовного, последовательного развития».*)

И снова возвращаясь к вопросу о взаимосвязи между логическим и механическим запоминанием, Ушинский продолжает: «Однако же легко видеть, что много есть такого, что нужно знать и что не может быть переведено в форму рассудочных ассоциаций и рассудочного знания, т. е. что можно только помнить и чего знать, в рассудочном смысле этого слова, нельзя»**).

Из всего сказанного Ушинский делает диалектический вывод—о единстве логического и материального. Он утверждает, что «рассудочная память без механической совершенно невозможна и что рассудок приводит только в новые рассудочные ассоциации следы представлений, удерживаемые и воспроизводимые механической памятью».

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., I, стр. 158.
**) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., II, стр. 201—202.

Правильный вывод позволяет Ушинскому дать целый ряд ценных для учителя практических предложений об укреплении и развитии памяти, как-то: укреплять нервную систему путем прогулок на свежем воздухе, избегать отупляющего долговременного сидения за книгой, закреплять материал повторением, избегать поверхностного усвоения, избегать чтения книг без выбора, не спешить подсказывать ребенку позабытое им, не показывать недоверия к памяти учащегося, упражнять ее систематическим заучиванием наизусть.

Всеми этими и многими другими советами Ушинского с благодарностью пользуется советский педагог.

Но, к большому сожалению, позабыто учение Ушинского об искусственном запоминании. Под искусственным заучиванием он понимает такие «ассоциации следов, которые мы, не надеясь на свою механическую память, связываем искусственно». Ушинский подразумевает в данном случае мнемоническое запоминание.

Важность такого запоминания мне хочется представить на примере примеров. Учащиеся (и даже слушатели высшей школы) при изучении истории партии обычно весьма затрудняются в запоминании дат созыва отдельных съездов партии. При этом особую трудность представляет для них запомнить не первые и не последние съезды, так как даты первых вообще запоминаются просто, а последние это — съезды, происходящие, можно сказать, на общей памяти. А между тем, запомнить эти даты легко благодаря некоторому мнемоническому приему, применявшемуся учащимися в одной школе: к порядковому номеру съезда, начиная с шестого и кончая четырнадцатым, они прибавляли число 11-ть и безошибочно получали год созыва съезда (например, XII-й съезд — 12 + 11=23, происходил в 1923 г.).

Приведем еще пример:

Учитель в шестом классе средней школы долгое время бесплодно бился, чтобы дети, при изучении геометрии, запомнили трудное наименование — б и с с е к т р и с а — и поняли, что оно обозначает. Трудность моментально исчезла, когда один изобретательный мальчик произнес случайно возникшие у него стихи:

«Биссектриса, точно крыса,
Вечно бродит по углам,
Делит угол пополам».

Весь класс на разные лады распевал этот стих, и что такое биссектриса усвоили не только все ученики шестого класса, но узнали об этом слове и младшие классы.

Ушинский справедливо замечает, что «иногда такое искусственное запоминание остается тем прочнее, чем нелепее сближение». Правда, Ушинский предупреждает педагогов об осторожности в пользовании уродливыми сравнениями, чтобы не создалось и не сохранилось в душе ребенка уродливого образа, но все же он правильно советует не отказываться от мнемонических приемов запоминания, ибо в основе их лежит тот бесспорный психический закон, что «всякое отдельное представление, оторванное от других, с трудом укореняется в памяти и быстро из нее изглаживается».

Центральную роль в воспитании активности и самодеятельности ученика играет творческая личность учителя. Еще в юношеские годы, будучи профессором Ярославского юридического лицея, Ушинский говорил: «Напрасно человеку говорить: делай так, делай иначе; покажите ему законы ума, законы природы, законы истории, укрепите его волю самой жизнью, а действовать ему предоставьте самому».

Творческий характер педагогической деятельности требует от учителя большого напряжения всех его духовных сил. Перед ним стоит задача увлечь в течение всего урока 30—40 «рассеянных детских голов». Для этого мало иметь знание предмета (это не трудно), надо иметь способности быть учителем. «Вот почему, — говорит Ушинский, — истинно добросовестный и хороший учитель — явление не совсем такое обыкновенное, как думают...».

Основным недостатком учительской профессии К. Д. Ушинский считает застой мысли учителя, остановку его духовного роста, духовный сон учителя. Есть педагоги, рассказывает Ушинский, которые способны передавать содержание своего давно заученного урока с внешневыраженным жаром. Они способны говорить с интонациями и ударениями в голосе, с жестами рук, мимикой лица, а сами в это время невольно предаются той «дремоте рассудка, которая от привычки делается сладкою и заманчивою, как турецкий кейф». Следуя за таким умершим духовно педагогом и ученики могут, если им посчастливилось избежать в этот день внимания учителя, целый день провести без мысли в голове, стараясь только сохранить неподвижность тела и тупой, бессмысленно внимательный взгляд.

По мнению Ушинского полезнее предоставить ребенку право весь день проиграть в чехарду или прорыскать по полю, чем провести его таким «лакейским образом».

Первыми жертвами этой методы обучения становятся живые и подвижные дети, дети с творческой душой. На них обращаются

наибольшие кары учителя. Духовно умерший учитель способен установить в школе только казенную дисциплину муштры, ему непосильно установление сознательной дисциплины детей.

Только творческая личность учителя может внести оживление в детскую душу, суметь заставить раскрыться все творческие силы. Недаром К. Д. Ушинский сравнивает личность такого учителя с солнечным лучом, согревающим детскую душу.

«В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, — замечает Ушинский, — потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он не был придуман, не может заменить личности в деле воспитания».*)

Главнейшим средством воспитывающего влияния личности воспитателя будет сила его личной убежденности в правоте своего дела. «Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем инструкции: не согретая теплотою его личного убеждения, она не будет иметь никакой силы»**).

Убеждение требует искренности воспитателя, высоких моральных качеств его души. Высокие моральные качества личности воспитателя сами по себе составляют ту воспитательную силу, которую «нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений».

Учитель должен не только учить, но и воспитывать. Единство обучения и воспитания — вот тот диалектический вывод, к которому приходит Ушинский. Чтобы оценить по достоинству это абсолютно ясное для советского педагога положение, надо знать, что для того времени, когда писались великим педагогом эти строки, было характерно другое положение: не только в средней, но и в начальной массовой школе имел место разрыв между воспитанием и обучением. В средней школе учитель приходил лишь на урок, а все остальное время дети находились в распоряжении классных наставников, надзирателей и надзирательниц. В начальной школе господствовала предметная система преподавания, не позволявшая поднять воспитательную работу с детьми на должный уровень, так как она была разбита между рядом ничем не объединенных между собою педагогов.

Требуя усиления воспитательной работы в школе, Ушинский борется за уничтожение предметной системы обучения в начальной школе, называя ее раком русского общественного воспитания, а в средней — он требует так поставить преподавание гимнази-

*) К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., I, стр. 125.
**) Там же, I, стр. 102.

ческих курсов, чтобы они приобрели воспитательную силу. «Главное достоинство гимназического преподавателя состоит в том, — пишет он, — чтобы он умел воспитывать учеников своим предметом».

Так созвучно нашему времени решается великим педагогом вопрос о роли учителя в школе.

**
*

И. В. Сталин, в докладе, посвященном 24 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, говоря о величии русской нации, назвал ее нацией «Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова».

Ушинский по праву может быть поставлен в одном ряду с перечисленными товарищем Сталиным великими людьми русской нации.

Главнейшей отличительной чертой величия учения человека является жизненность его идей. Человек умирает, а идеи его живут. И чем дольше живут идеи человека, тем больше величия представляет для нас его образ.

Прошло 75 лет со дня смерти К. Д. Ушинского. Три четверти века вполне достаточный срок, чтобы забыть человека.

Но Ушинский жив, ибо идеи великого педагога живут и в нашей современности.

Мы показали созвучность их нашему советскому времени.

Но было бы ошибочно думать, что идеи Ушинского могут быть восприняты советским педагогом без всякой критики, что Ушинский последовательный материалист и даже материалист-диалектик. Философское развитие Ушинского шло, с одной стороны, под влиянием эмпирической философии Бэкона, с другой стороны, рационалистической философии Декарта, наконец, большую роль в его мировоззрении сыграла идеалистическая система Гегеля. По существующим в то время политическим условиям в России, работы основоположников научного коммунизма — Маркса — Энгельса — ему вряд ли могли быть известны. Материалистическое учение XIX века Ушинский знал лишь по работам вульгаризаторов материализма — Бюхнера, Фохта, Молешотта.

Вульгарный материализм не мог быть приемлем для Ушинского. Поэтому в своей «Антропологии» он решительно выступает против него.

Сталкиваясь с основной философской проблемой — об отношении мышления к бытию — Ушинский впадает в дуализм. Это ска-

зывается и на его педагогических трудах. Поэтому совершенн правильные педагогические выводы зачастую сопровождаютс у него чисто идеалистическими объяснениями.

Изучая богатейшие труды Ушинского, наш советский педагог должен всецело руководствоваться ленинским требованием о критическом подходе к наследию прошлого. Тогда Ушинский предстанет перед ним во всем блеске и величии своей педагогической мысли, очищенной от всевозможных отрицательных налетов своего времени.

Глубокий анализ изучаемых им фактов школьной практики не только приводил Ушинского к признанию материализма, но и позволял ему делать диалектические выводы. Идеалистическое мировоззрение отступало в таких случаях перед чутьем великого педагога, прекрасного знатока народной школы.

Недаром М. И. Калинин в своей речи на совещании работников народного образования в 1941 году говорил:

«Те идеалы, которые развивал в свое время Ушинский, и которые я здесь выдвинул в качестве практических предложений — это настоящие педагогические идеи. Мало того, я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены».

Декабрь 1945 г.

Редактор проф. В. А. Хахлов

К303278 Объем: 2,25 п. л., уч.-изд. 2,6 л.
Сдано в набор 24/V-1946 г. Тираж 3000
Подписано к печати 20/XI-1946 г. Зак. № 1831-46. Цена 4 руб.

Томск, типография № 1 Полиграфиздата, Советская, 47.

Цена 4 руб.